

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1980

А. МАТГАЗИЕВ

О РОЛИ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ XIX—XX ВЕКОВ)

I

Узбекский язык, принадлежащий к числу старописьменных тюркских языков, имеет богатую письменную традицию. Этому во многом способствовало формирование в XVIII—XIX веках крупных литературно-языковых центров: Коканда, Маргилана, Андижана, Намангана, Ташкента, Каттакургана, внесших значительный вклад в развитие художественной литературы. В этот период узбекский язык стал широко применяться и в делопроизводстве. Тогда же появились новые переводы с арабского, персидского и русского языков. Благодаря всему этому получили развитие функциональные стили литературного языка: официально-деловой и публицистический. Таким образом, расширились социальные функции узбекского языка, стала совершенствоваться его лексико-грамматическая система.

Язык письменных памятников конца XVIII и первых трех четвертей XIX века отображает завершающий и наиболее развитый этап в истории староузбекского языка. К этому времени выходит из употребления ряд аффиксов, характерных для предыдущих периодов: аффикс наречий *-sizin*, аффикс разделительных числительных *-šar/-šär*, аффикс повелительно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа *-ajm/-äjim* и 2-го лица единственного числа *-u/-ü* (ср. *axtaru*) и некоторые другие. Вместе с тем появляются: новые грамматические формы — абстрактной принадлежности на *-niki*, 3-го лица единственного числа прошедшего субъективного времени на *-b + di*, деепричастия на *-yanu/-gäni* и *-yanda/-gändä*, наречия типа *özümčäsigä* 'по-своему', частица *-či*, союзы *värnä, gärnä, čägäki, zigäki* и т. д. Отдельные аффиксы подверглись фонетическим, семантическим и функциональным изменениям.

Однако, несмотря на все это, староузбекский язык классического периода не претерпел сколько-нибудь значительных изменений, что подтверждает справедливость нижеследующих слов И. А. Бодуэна де Куртенэ: «Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития»¹. Грамматический строй и словарный состав каждого отдельно взятого этапа, считал И. А. Бодуэн де Куртенэ, может содер-

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. — Цитируется по кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, I. М., 1964, стр. 277—278.

жать элементы, свойственные языку старшего и младшего поколения данного языкового коллектива. Именно такие элементы он называл «слоями языка» и выявление их считал одной из основных задач языкознания².

При анализе языка узбекских текстов конца XIX — начала XX века нам удалось установить факты функционирования устаревших форм параллельно с новыми, обычными для современного узбекского языка:

а) вставление и опущение интерфикса *-n-* между аффиксами принадлежности и местных падежей, ср.: *хаёл манзарасинда* (Хамза, I, 240) 'в панораме мысли', *маёюсият ичида* (УК, 52) 'в отчаянии';

б) наличие у притяжательного местоимения 1-го лица аффиксов *-it* и *-it̄n*, например: *меним фикрим* (УК, 16) 'мое мнение', *бизим интернат* (Хамза, I, 242) 'наш интернат', *менинг пулим* (Хамза, II, 17) 'мой деньги', *менинг тоқатим* (УК, 44) 'мое терпение';

в) использование послеложных конструкций с именами в форме основного и родительного падежей: *сенинг билан гаплашмайман* (Хамза, II, 162) 'с тобой не буду разговаривать', *кутидорнинг қизини сизнинг учун уқашиб келдик* (УК, 46) 'для вас посватаны дочка кутидора (один из придворных чинов в Кокандском ханстве того времени.—А. М.)', *мен сиз билан кўришаман* (Хамза, II, 150) 'я встречаю с вами';

г) употребление вариантов личного местоимения 3-го лица *у* и *ул*, *ан-* и *ун-* (в форме местных падежей): *у ишонса* (УК, 76) 'если он верит'; *ул юз ёғирди* (УК, 71) 'он отворачивался', *Маҳмудхон анга қараб* (Хамза, II, 9) 'Махмудхан смотрел на нее';

д) употребление вариантов исходного падежа *-дан* и *-дун*, ср.: *сирлардан хабардор бўлиб* (Хамза, I, 240) 'узнав о тайнах', *оталаридин қолмиш мулклари* (Хамза, I, 237) 'имения, оставленные отцом', причем вариант *-дан* явно преобладает;

е) в источниках XIX века доминирует форма имени действия на *-тақ/-тақ*, формы на *-уш* и *-ив* встречаются очень редко. В языке же произведений Хамзы и Кадыри они одинаково употребительны, ср.: *Овора бўлмоқнинг нима зарурати бор? Бунда овора бўлиш деган нарса йўқ* (УК, 11) 'Зачем нужно беспокоиться? Здесь нет никакого беспокойства', *йқув-ёзувни танув* (Хамза, I, 240) 'знание чтения и письма'. В современном узбекском языке чрезвычайно продуктивна форма на *-уш*. Так, в романе Айбека «Қутлуғ қон» («Священная кровь») форма на *-тақ* встречается 29 раз, форма на *-уш* — 1337 раз³;

ж) в 3-м лице настоящего времени лично-предикативный показатель имеет два варианта: *-dir* и *-di*, являющиеся усеченными разновидностями глагола-связки *туғур/дугур*, ср.: *Кумуш келгач, мажлисга руҳ киришига барча ишонади ва уни тўзимсизланиб кутади* (УК, 51) 'Когда приходит Кумуш, атмосфера собрания оживляется и поэтому ее ждут с нетерпением'. В современном узбекском языке используется вариант *-di*, ср.: *бага + тап, бага + сан, бага + di*. В употреблении в именных сказуемых лично-предикативного показателя *-dir* отмечается вариативность иного рода — указанный показатель может опускаться, ср.: *бу шунинг қизидир* (УК, 10) 'эта его дочь', *бу киши отангизнинг яқин дўстларидан Мирзакарим қутидор* (УК, 12) 'этот человек — один из близких друзей вашего отца — кутидор Мирзакарим', *ҳар бир нарсадан у масала оғир* (Хамза, II, 11) 'этот вопрос сложнее всех'. В современном узбекском языке данный показатель факультативен. В использовании вариантов *-ar* и *-ur*, *-dirgān* и *-digān*, *-gūvdi* и *-ivdi* наблюдается параллелизм. Показа-

² И. А. Бодуэн де Куртенэ. Указ. раб., стр. 279.

³ См.: Ф. Исхаков. Имена действия и состояния в современном узбекском языке (формы на *-иш*, *-моқ*, *-ув*). Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1960, стр. 7.

тельно, что в начале XX века в узбекском языке появляются формы, не встречающиеся в источниках XIX века, например, форма настоящего конкретного времени на *-jar*; ср.: *бошим айланиб кетаяпти-я* (Хамза, II, 167) 'у меня голова кружится'. По поводу появления этой формы и ее диалектных вариантов в современном узбекском языке В. В. Решетов делает два предположения: либо эти глагольные формы, являющиеся нормой для современного узбекского языка, уже использовались в узбекских говорах XV века, хотя и не нашли отражения в письменном языке, либо же появление их относится к более позднему времени⁴. Материалы письменных памятников староузбекского языка подтверждают правильность второго предположения. Далее должны быть упомянуты: неопределенные местоимения типа *кимдир* и *аллаким*, аналитическая конструкция с глаголом *jaz-* в качестве вспомогательного компонента, выражающая значение «едва», «чуть не»: *бўйи ҳам онасига етаёзган эди* (УК, 29) 'и ростом она чуть не догнала мать'; форма на *-gänlikdän*, выражающая причинность: *Тошкент ашрофлариникг кўплари билан алоқадор бўлганликдан, балки отангиз билан таниш чиқар* (УК, 11) 'Так как он имеет связь со многими знатными людьми Ташкента, возможно, он знаком и с вашим отцом'.

Сравнение морфологического строя современного узбекского литературного языка и языка письменных памятников XIX века показывает, что существенных различий между ними нет. Причина этого кроется в самой природе грамматического строя языка, в отличие от других языков, изменяющегося очень медленно и почти незаметно. С другой стороны, следует помнить, что узбекский язык XIX века является как бы связующим звеном между староузбекским и современным узбекским языками и поэтому имеет много общего с последним.

Однако наряду с этим имеются и определенные различия, обусловленные рядом факторов, в частности изменениями формально-структурного, семантико-функционального и грамматико-стилистического характера. Приведем некоторые из них:

а) появление новых словообразовательных и словоизменительных аффиксов существительных (*-ist*, *-izm*, *-laštiriš*), прилагательных (*-ildaq*, *-mačaq*, *-il*, *-al*), числительных (*-tača*), наречий (*-igā*, *-laj*), глагола (*-jar*, *-jatir*, *-jaz*), использование нового способа словообразования — аббревиации;

б) расширение сферы употребления словообразовательных аффиксов *-či*, *-lik*, *-li*, *-čilik*, *-siz*, *-dek*, *-ča*, *-dāgi*, аффикса *-niki*, форм числительных на *-ta*, *-tača*, *-av*, *-ala*, глагольных форм на *-ajlik*, *-gin*, *-a + man*, *-maqda*, форм имени действия на *-iš*, *-uv*, деепричастных форм на *-gāni*, *-gändä*, *-gäč*,

в) сужение сферы употребления аффиксов существительных (*-dār*, *-kaš*), прилагательных (*-dān*, *-vār*), глаголов (*-da*, *-ra*, *-al*), собирательных числительных (*-avlan*), имени действия (*-maq*);

г) фонетические изменения отдельных форм. В связи с утратой сингармонизма в современном узбекском литературном языке число фонетических вариантов аффиксов намного сократилось. Произошли и другие изменения, например: *-yuvčyl-güvči* > *-uvči*, *-luk* > *-lik*, *-sun* > *-sın*, *-mu* > *-mi*, *-šul* > *-šu*, *-ošul* > *-oša* и др.;

д) семантическое развитие: аффикс разделительных числительных *-ar* стал употребляться только с числительным *bir* и выражать неопределенность; ср. *birar sāat* 'около часа'; глагольная форма на *-ar* в староузбекском языке имела значения настоящего и настоящего-будущего

⁴ В. В. Решетов. Узбекский язык. Ч. I. Ташкент, 1959, стр. 26.

времени⁵, в современном узбекском языке она употребляется в значении будущего-неопределенного времени; форма на *-sa keräk* в языке исследуемого периода выражала значение долженствования: *Кордон исмининг аксини қўйсалар керак эди* (Гулханий, 19) 'должны были назвать тебя не Кордоном, а наоборот'; в настоящее время подобные конструкции выражают предположение, неопределенность; ср. *буғун ёмғир ёғса керак* 'вероятно, сегодня будет дождь';

е) функциональные изменения отдельных форм и конструкций: совершенно не встречаются слова в родительном падеже в функции сказуемого. Это объясняется расширением сферы употребления формы абстрактной принадлежности на *-niki*, выступающей в основном в указанной функции; по нормам современного узбекского языка недопустима взаимозаменяемость родительного и винительного, дательного и местного падежей, что было вполне обычно для языка отдельных источников исследуемого периода; также не встречаются случаи употребления причастной формы на *-ar* в функции имени действия, случаи присоединения аффикса *-lar* к наречиям образа действия, меры и степени; не отмечено повторное использование союза *va* между однородными членами, а также употребление условного союза *ägär* в уступительном и разделительном значениях;

ж) исчезновение встречающихся в языке XIX века арабско-персидских форм множественного числа, показателя персидского изафета, «вставочного» *-n-*, словообразовательных аффиксов *-gin*, *-nāk*, *-vaš*, аффикса порядковых числительных *-lāmzi/-lānzi*, глагольных форм на *-aly/-āli*, *-aly/-āliq*, *-turur/-tur*, *-mys/-miš*, *-man/-mān*, *-an/-ān*, *-duq/-dük*, *-yal/-gāli*, *-ban/-bān*.

Приведенный краткий сравнительный анализ морфологических особенностей современного узбекского литературного языка и языка исследуемого периода показывает, что в течение столетия узбекский язык претерпел определенные изменения, его грамматический строй значительно усовершенствовался. Изменения касаются различных сторон той или иной грамматической категории и формы. Однако, как отмечает Ю. Д. Дешериев, «Фонетические и морфологические изменения скорее всего относятся к унификации, стандартизации языковых явлений — чаще всего по законам аналогии»⁶.

II

Нормативность — один из основных признаков литературного языка, прежде всего его письменной формы. Выработанные классиками узбекской литературы — Лутфи, Навои, Бабуром, литературно-языковые нормы продолжали совершенствоваться в языке писателей XVIII—XIX веков. По нашим наблюдениям, в языке не только литературных и исторических, но и фольклорных произведений использовались формы, распространенные в то время во всех узбекских литературно-языковых центрах. Число диалектизмов незначительно. В закреплении литературно-языковых норм ведущую роль играли писатели, историки, переводчики и, в особенности, *катибы* (писари). Вместе с тем «Литературный язык — категория историческая: степень обработанности, строгость отбора и регламентации могут быть неодинаковыми не только в разных литературных языках, но и в разные периоды истории одного и того же

⁵ Ш. Шукуров. Узбек тилида феъл замонлари тараққиёти. Тошкент, 1976, стр. 129—131.

⁶ Ю. Д. Дешериев. Социальная лингвистика. М., 1977, стр. 186.

языка»⁷. Поэтому фонетические, лексические и грамматические нормы староузбекского языка во многом не сопоставимы с нормами современного узбекского литературного языка, функционирующего в условиях исключительной интенсификации различных способов и средств письменного и устного общения.

В донациональную эпоху письменно-литературный язык почти не оказывает влияния на нормирование разговорного языка. Как отмечает В. В. Виноградов, «Нормы — еще очень зыбкие в период существования народности — замыкаются в то время в узких пределах письменно-литературного языка и не оказывают заметного влияния на общенародный язык и его диалектные ответвления»⁸. Сказывается отсутствие массово-коммуникативных средств устного общения и малодоступность письменных источников: до Великой Октябрьской социалистической революции распространение различных источников письменно-литературного языка среди широких масс узбекского народа было весьма незначительным. Во-первых, большинство населения было неграмотным, во-вторых, художественные и исторические произведения переписывались от руки и имелись всего в нескольких экземплярах.

Развитию общенародного разговорного языка препятствовал, кроме того, частично сохранявшийся кочевой образ жизни. Заметное усиление процесса перехода к оседлому образу жизни началось лишь в конце прошлого столетия. Накануне революции кочевники составляли около тридцати процентов сельского населения Туркестана⁹.

Культурно-экономическая отсталость и изолированность отдельных районов, общий низкий экономический уровень края и локальный характер производства в ханствах и эмирате, отсутствие крупных промышленных центров и концентрации рабочей силы и т. п. препятствовали расширению языковых связей и способствовали консервации диалектных черт¹⁰.

Авторы первых практических грамматик узбекского языка, основанных на материалах живого народного языка и его диалектов, имели ясное представление об основных различиях между кокандским, бухарским и хивинским наречиями. «Джагатайский (узбекский) язык, — писал А. Старчевский, — распадается, подобно политическому разделению ханств, на три наречия, которые хотя тотчас понимаются всеми жителями, однако каждое из них имеет еще свои оттенки и особенности, которые следует приписать частью существующим естественным границам, частью же историческим событиям»¹¹. Названные три наречия, объединяющие местные говоры сельского населения, противопоставляются городским диалектам, именуемым этими авторами «сартовским языком».

В практических грамматиках и пособиях описаны основные фонетические, лексические и грамматические особенности узбекского народно-разговорного языка второй половины XIX века. В них выделены и отдельные элементы книжно-письменного языка. Приведем такой факт: «Разница между формами *анинг, анга, андин* и *унинг, унга, ундин* состо-

⁷ «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970, стр. 502.

⁸ В. В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978, стр. 180.

⁹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Сочинения, т. II, часть 2. М., 1964, стр. 295.

¹⁰ В. В. Решетов. Узбекский национальный язык. — В сб.: «Вопросы формирования и развития национальных языков». М., 1960, стр. 129; М. Вахобов. Узбек социалистик миллати. Тошкент, 1960, стр. 83.

¹¹ А. Старчевский. Спутник русского человека в Средней Азии. СПб., 1878, стр. 6.

ит в том, что первые — книжные, вторые — разговорные»¹². Уже в то время исследователями были выявлены прогрессивные тенденции в развитии центральных городских диалектов. В этом отношении большой интерес представляет замечание З. А. Алексева о том, что «закон созвучия (сингармонизм. — А. М.) совершенно исчез в разговорном сартовском языке»¹³. Очевидно, здесь имеется в виду ташкентский диалект. В другом месте автор отметил, что в сартовском языке вместо обычных сингармонических вариантов дательного-направительного падежа *-ga/-gä* употребляется один — *-ga*¹⁴.

Таким образом, в XIX веке письменно-литературная форма узбекского языка обрела определенную нормативность, однако не могла еще оказывать существенное влияние на разговорный язык.

После победы Великого Октября в результате осуществления ленинской национальной политики в нашей стране были созданы все условия для формирования и развития социалистических наций и национальных языков. В конце тридцатых годов полностью сформировалась узбекская социалистическая нация, и ее язык стал одним из развитых национальных литературных языков Советского Союза. Начальным же этапом формирования узбекского национального языка следует считать XIX век. Именно в этот период создаются необходимые предпосылки для развития литературного языка, так как «оформление национального литературного языка до известной степени подготавливается еще в донациональный период, поскольку письменно-литературные языки имеются и в эпоху существования народности»¹⁵.

III

Соотношение роли письменно-литературного и разговорного языков в нормировании общенационального языка зависит от конкретных исторических условий: порою решающую роль играет письменно-литературная традиция, в других случаях — она оказывается на втором плане.

Ф. П. Филин пишет, что письменность — одна из характерных особенностей литературного языка, которая поднимает речевой текст на более высокую ступень организованности и придает языку свойства средства общения, неограниченного рамками пространства и времени¹⁶. Главным источником письменно-литературного языка является художественная литература, оказывающая огромное влияние на становление и развитие его лексико-грамматических и стилистических норм. Вопрос о роли художественной литературы и связанной с ней языковой традиции в формировании национального языка сложен и многогранен¹⁷. В исследованиях по истории узбекского языка и литературы часто говорится о «высоком стиле» языка произведений классиков узбекской литературы, о насыщенности его арабизмами и фарсизмами¹⁸. Однако своеобразие стиля классической литературы составляет прежде всего его лекси-

¹² З. А. Алексеев (с участием А. Вышногорского). Самоучитель сартовского языка. Чтение, письмо и грамматика сартовского языка. Ташкент, 1884, стр. 37.

¹³ Там же, стр. 23.

¹⁴ Там же, стр. 26.

¹⁵ М. М. Гухман. Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков. — В сб.: «Вопросы формирования и развития национальных языков». М., 1960, стр. 295.

¹⁶ Ф. П. Филин. Что такое литературный язык. — «Вопросы языкознания», 1979, № 3, стр. 18.

¹⁷ В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 295.

¹⁸ В. В. Решетов. Узбекский национальный язык, стр. 126.

ческий уровень. Что же касается грамматической системы, то здесь это своеобразие проявляется незначительно. Так, в языке произведений поэтов XV века арабские и персидские лексические элементы составляют от 43 до 58 процентов¹⁹. В дальнейшем этот процент постепенно снижается. Например, в басне Гульхани «Тошбақа билан Чаён» («Черепаша и Скорпион») арабские и персидские слова составляют 37%, а в стихотворении его современника Махмура «Хапалак» — 40%, в произведениях Муками «Танобчилар» и «Саяхат-наме» — не более 35%.

Н. И. Конрад подчеркивал, что активное употребление и утверждение элементов народного языка в японской и китайской литературах связано с развитием реализма²⁰. Это высказывание можно полностью отнести и к узбекской литературе дооктябрьского периода. Параллельно с идейно-художественной эволюцией творчества писателей постепенно изменяется, приобретает все более народный характер язык их произведений. Так, например, в газете Хамзы «Бир махлиқо», написанной в 1908 году, из 200 слов 95 — арабского и персидского происхождения, что составляет 47,5%, тогда как в его же произведении «Хикоя» («Рассказ»), датированном 1914 годом, арабские и персидские заимствования составляют лишь 16%. Многие прилагательные, наречия, нумеративы, союзы и другие слова арабского и персидского происхождения, функционировавшие в языке источников XIX века, в современном узбекском языке не употребляются. Шире стали использоваться заимствования из русского языка. Сохранившиеся же слова арабского и персидского происхождения настолько утвердились в современном узбекском языке, что их иноязычное происхождение почти не ощущается. Что же касается использования отдельными поэтами и писателями архаических элементов, то это следует рассматривать как стилизацию или иной художественный прием²¹.

В развитии литературного языка важную роль играет художественная литература. Благодаря ей проникают в письменно-литературный язык элементы общенародного языка в письменно-литературный язык. «Творчество Пушкина, — писал В. В. Виноградов, — как высшее воплощение норм национально-русского литературно-языкового выражения является наиболее ярким доказательством того, что художественная литература — могучий двигатель развития языка»²². В языке произведений Муниса, Агахи, Гульхани, Махмура и других узбекских поэтов конца XVIII — первой половины XIX века нашли широкое отражение лексико-грамматические элементы народного языка.

Заметную роль в истории развития узбекского языка сыграло, например, сочинение Гульхани «Зарбул масал», представляющее собой замечательный образец художественной прозы дореволюционного периода²³. В этом произведении собраны и воспроизведены в диалогах аллегорических персонажей узбекские народные пословицы, поговорки и отдельные фольклорные сюжеты. В них отражены характерные особенности не только традиционного письменно-литературного, но и устно-разговорного языка того времени.

¹⁹ В. Д. Артамошина. Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов — предшественников А. Навои. — В сб.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 17.

²⁰ Н. И. Конрад. О литературном языке в Китае и Японии. — В сб.: «Вопросы формирования и развития национальных языков». М., 1960, стр. 28.

²¹ А. К. Боровков. О языке узбекской поэзии. — «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 4, стр. 41—46.

²² В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 205.

²³ Ф. Исҳоқов. Гулханийнинг «Зарбул масал» асари. Тошкент, 1976, стр. 41.

Глубоким знатоком узбекского народного языка, его истории и диалектов был Шермухамед Мунис (1778—1829). В своих поэтических, исторических произведениях и переводах он широко пользовался богатými и разнообразными ресурсами народного языка. Особую ценность представляют историко-этимологические и диалектологические примечания Муниса в «Фирдаус-ал-икбал»²⁴. Он высоко ценил точную передачу значения слов, бережно относился к использованию их: *Қилса хосид дахли бежо сўз аро йўзгур ғамим, Ким бу мағнида Навоий руҳи ҳомийдур манга* (Мунис, 17) 'Не беспокоюсь я, если завистник вмешивается в мое словоупотребление, Ибо моя опора в этом — дух Навои'.

К народно-разговорному языку близок язык произведений поэтов-демократов Мукими (1853—1903), Фурката (1858—1909), Завки (1853—1921), Аваза (1884—1919), живших в период после вхождения Средней Азии в состав России. Произведения этих поэтов отличаются ясностью языка, изяществом стиля; в них представлены элементы просторечия, диалектизмы, бытовая лексика, фразеологические обороты, идиомы, пословицы и поговорки. Введение в произведения новых слов, заимствованных из русского языка, словообразование на основе этих заимствований (*пуржиналик, номерлик, машиначи, завотчи, масковчи*), калькирование и словотворчество относятся к характерным особенностям языка поэтов-демократов.

Большой вклад в развитие современного узбекского литературного языка, в становление и закрепление его общенациональных норм внес основоположник узбекской советской литературы, первый узбекский драматург, поэт-новатор Хамза Хакимзаде Ниязи (1889—1929). Общественно-литературная деятельность его совпала с периодом коренных преобразований в духовной жизни узбекского народа в условиях ожесточенной классовой борьбы. Необходимо было решить многие вопросы языкового строительства: упорядочение графики, орфографии, терминологии, принципы установления норм литературного языка. Хамза твердо стоял на позициях максимального сближения литературного и общенародного языков.

IV

Вместе с узбекским письменно-литературным языком постепенно развивалась и разговорная речь. «Хотя устная речь замечательно устойчива по своей лексике и еще устойчивее по своим грамматическим формам, но она не может оставаться неизменной», — писал К. Маркс²⁵. Становление и закрепление фонетических, лексических и грамматических норм устно-разговорной формы узбекского литературного языка стало более интенсивным в период после победы Великого Октября. В. В. Виноградов отмечал, что «В развитии народных языков наблюдаются некоторые общие закономерности в преднациональную эпоху в движении от интердиалектных форм (обычно устных) до национального литературного языка нового времени. Образуются так называемые культурные диалекты, которые ложатся в основу литературно-письменной традиции и оказывают большое влияние на формирование и развитие национального литературного языка»²⁶.

²⁴ А. Матгазиев. Историко-этимологические примечания Муниса в «Фирдаус-ал-икбал». — «Советская тюркология», 1979, № 1, стр. 86—89.

²⁵ К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» — К. Маркс и Ф. Энгельс «Сочинения». М., 1975, т. 45, стр. 286.

²⁶ В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 294.

Узбекский язык, в отличие от других тюркских языков, имеет множество диалектов и говоров, разнообразных по своим ареальным и этнолингвистическим особенностям. В свое время Е. Д. Поливанов подробно остановился на причинах и истоках пестроты и разнообразия узбекских диалектов²⁷. В связи с отсутствием главного политического, экономического и культурного центра края, до революции в Узбекистане не было единого «культурного диалекта» узбекского языка. Появление новых литературно-языковых центров еще более осложнило положение. Лишь в годы Советской власти появился единый административно-культурный центр — Ташкент, в котором начали интенсивно концентрироваться представители различных территориальных и диалектных групп узбекского народа. В итоге ташкентский диалект стал одним из основных диалектов, легших в основу узбекского национального литературного языка. В процессе отбора и регламентации фонетических и лексико-грамматических норм современного узбекского литературного языка участвовали в той или иной степени почти все диалекты и говоры. Но, как утверждает большинство узбекских диалектологов, ведущее место здесь все же принадлежало ферганско-ташкентской группе говоров, причем фонетическая сторона в основном формировалась под влиянием произносительных особенностей ташкентского говора, тогда как морфология в преобладающей своей части восходит к ферганскому диалекту²⁸.

В формировании и развитии узбекского национального литературного языка важную роль играли и такие послереволюционные экстралингвистические факторы, как расцвет национальной культуры и успехи в области народного образования. В выработке и внедрении норм литературного языка большое значение имела также целенаправленная деятельность соответствующих научных учреждений и учебных заведений.

Внутренние и внешние факторы явились могучими импульсами развития узбекского литературного языка, прошедшего путь от языка народности до языка нации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Гулханий	— Гулханий. Зарбул масал ва газаллар. Тошкент, 1960.
Мунис	— Мунис. Танланган асарлар. Тошкент, 1957.
УК	— Абдулла Қодирий. Утган кунлар. Тошкент, 1958.
Ҳамза	— Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий. Асарлар. Икки томлик. Тошкент, 1960.

²⁷ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933.

²⁸ В. В. Решетов. О диалектной основе узбекского литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 100—108; его же. Узбекский язык, стр. 50; Ш. Шоабдурахмонов. Узбек адабий тили ва ўзбек халк шевалари. Тошкент, 1962, стр. 30—32

ТЮРКОЛОГИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

БАКУ — 1992

А. ХОДЖИЕВ

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Выявление закономерностей становления современного узбекского литературного языка — одна из наиболее сложных задач узбекского языкознания. Одни исследователи [1. С. 272—321; 2; 3] полагают, что формирование узбекского литературного языка завершилось уже на раннем этапе советского периода (в дальнейшем он только развивался и совершенствовался), другие считают, что узбекский национальный литературный язык сформировался в советский период (однако эта мысль ни в одной работе научно не обосновывается). Мало того, вопросы формирования современного узбекского литературного языка, в свое время верно решенные узбекскими языковедами, в последующем нередко искажались.

Чтобы представить себе состояние и уровень развития языка в советский период, обратимся к понятиям «литературный язык» и «национальный литературный язык».

Прежде всего несколько слов о термине *современный узбекский литературный язык*. Этот термин употребляется в учебниках и пособиях по современному узбекскому литературному языку, а также в научно-исследовательских работах в значении «узбекский литературный язык советского периода», т. е. когда говорят современный узбекский литературный язык, то имеют в виду узбекский литературный язык советского периода. Лишь в тех работах, где речь идет о периодизации узбекского литературного языка советского периода, вопрос решается несколько иначе. Например, А. К. Боровков современным периодом в развитии современного узбекского литературного языка называет время примерно с 1929 г. (третий период) [4. С. 9].

В учебниках же и пособиях по современному языку, а также в научной литературе почти все примеры для анализа заимствованы из источников, появившихся после 40-х годов. Это наводит на мысль, что современный узбекский литературный язык — литературный язык именно этих лет. Как видим, единого мнения о том, на каком же этапе советского периода сформировался современный узбекский язык, нет.

В узбекском языкознании отсутствует единое понимание понятий «литературный язык» и «национальный литературный язык». Общепринято, что литературный язык — это обработанная, отшлифованная и нормированная форма общенародного языка. В [5. С. 87], например, отмечается, что узбекский литературный язык существовал и до Ок-

тябрьской революции, в дальнейшем, с формированием узбекской нации, появился узбекский национальный литературный язык. Однако в упомянутой работе ничего не говорится об особенностях узбекского языка дооктябрьского периода вообще и его литературной формы — в частности. Кроме того, весьма общим представляется утверждение о том, что «с формированием узбекской нации был сформирован и узбекский национальный язык», — ведь в действительности все обстояло гораздо сложнее.

Узбекский национальный язык в первые годы советской эпохи стал обогащаться признаками, свойственными национальным языкам, и тогда же начал формироваться как национальный литературный язык. На этой стадии образовались также другие единства (в частности, территориальное) и полностью сложилась узбекская нация. По мнению М. Вахабова, формирование ее завершилось к концу второй пятилетки [6. С. 486].

Говоря о современном узбекском литературном языке, исследователи подчеркивают, что он продолжает лучшие традиции староузбекского литературного языка (традиционного литературного языка). Однако эти положения без подкрепления языковым материалом не дают ясного представления о развитии современного узбекского литературного языка (особенно советского периода).

На наш взгляд, если под литературным языком понимать отшлифованную, нормированную форму, служащую для различных культурных целей нации, то о существовании такого узбекского языка в первые годы советской власти говорить не приходится.

Литературный язык связан с письменностью, чаще всего именно письменность способствует его созданию и дальнейшему развитию [7. С. 78]. Следовательно, для оценки узбекского литературного языка советского периода необходимо исследовать письменные источники этого времени и на основании полученных результатов дать соответствующие выводы.

В становлении литературного языка большую роль играют художественная проза и периодическая печать. Однако в ранний период советской эпохи прозаические произведения можно было перечислить по пальцам. Зато широкое развитие получила массовая периодическая печать — важнейший фактор подъема культуры узбекского народа, формирования и развития узбекского литературного языка.

Дореволюционный письменный узбекский литературный язык был понятен лишь малому числу грамотных, так как в структурном отношении он унаследовал традиции староузбекского литературного языка. Между тем изменившаяся действительность требовала обновленного литературного языка. Каким же должен был быть узбекский национальный литературный язык? В первые послереволюционные дни серьезное внимание было обращено на этот основной вопрос языкового строительства.

Для осуществления культурной революции в республике необходимо было решить несколько задач. Самой главной из них являлась ликвидация неграмотности, что предполагало выработку орфографии, доступной населению всей республики, создание учебников и учебных пособий. И в этом направлении велась большая работа. В 20—30-х годах только по проблемам орфографии и алфавита было проведено несколько конференций и съездов. В течение 20 лет от арабской графики перешли к письму, основанному на латинице (1929), затем к письму на кириллице, русской графике.

В 1921 г. был созван Первый курултай (съезд), посвященный воп-

росам узбекского языка и орфографии. К единому мнению по вопросам орфографии и литературного языка на нем так и не пришли, однако было определено, каким должен быть его стиль [8. С. 2]. Съезд стимулировал изучение узбекских диалектов, появились руководства и правила по орфографии. В 20-х годах увидели свет коллективный труд «Уроки языка» (Самарканд; Ташкент, 1924), «Уроки языка» Каюма Рамазана и Шарасула Зуннуна (Ташкент, 1925), «Морфология» Фитрата (Ташкент, 1925), «Фонетический строй манкентского диалекта» К. Юдахина (Маориф ва ўқитувчи. 1927. № 12), «Звуки узбекского языка» Гази Алима (Маориф ва ўқитувчи. 1927. № 12). Но эти пособия и руководства страдали неполнотой, не основывались на глубоких научно-теоретических разработках. В такой ситуации, само собой разумеется, нельзя было верно определить норму узбекского литературного языка. Язык периодики по-прежнему, как утверждалось во многих решениях и документах, «был для широких масс узбекских трудящихся малопонятен» [8. С. 5, 4], а потому не мог стать национальным литературным языком. В этот период узбекский национальный литературный язык еще находился в стадии формирования.

Основу современного узбекского литературного языка составили живой разговорный язык, узбекские диалекты и говоры. На его формирование решающее воздействие оказали два фактора: 1) национальная и языковая политика; 2) утверждение узбекского языкознания как науки.

1. Формирование и развитие современного узбекского литературного языка связано с установлением в нашей стране советской власти, предполагающей равноправие и свободное развитие всех национальных языков. Этот фактор, в свою очередь, сыграл огромную роль в динамичном развитии узбекского языкознания.

2. Одним из признаков национального литературного языка является его нормированность. Нормирование же осуществляется наукой о языке. До революции и в первые годы после нее науки об узбекском языке не существовало. В дальнейшем, с развитием узбекского языкознания, ученым для нормирования узбекского литературного языка предстояло решить три задачи: 1) показать, каким будет его отношение к староузбекскому письменному литературному языку; 2) определить опорные для него диалекты; 3) установить, каковы будут его связи с близкочастотными языками.

Говоря об отношении современного узбекского литературного языка к языку дореволюционному — «староузбекскому», «староузбекскому литературному», «чагатайскому», «традиционному узбекскому», следует проанализировать содержание этих терминов.

В лингвистической литературе по отношению к дооктябрьскому письменному языку термины «староузбекский литературный язык» и «староузбекский язык» употребляются нерасчлененно. Мы же считаем, что эти термины — дифференцированные понятия. Нет четких разграничений и в употреблении терминов «староузбекский литературный язык», «чагатайский язык», «традиционный литературный язык».

Чрезвычайную трудность представляет и тот факт, что в научной литературе отсутствуют убедительные данные о специфике староузбекского языка. По свидетельству А. М. Щербака, «вопрос о литературной норме „чагатайского“ языка никем не ставился... борьба за простоту литературного языка не шла дальше теоретического обоснования ее необходимости...» [9. С. 13]. Все это создает большие трудности в определении отношения современного узбекского литературного языка

к староузбекскому, в решении вопроса о том, является ли первый непосредственным продолжением второго.

Дореволюционный письменный литературный язык для большинства народных масс был малопонятен. В структурном отношении он представляет собой продолжение староузбекского литературного языка. Возникают вопросы, что же такое послереволюционный (современный) узбекский литературный язык, как он относится к староузбекскому литературному языку, каковы закономерности его развития? Решение их имеет принципиальное, методологическое значение. Дело в том, что перечисленные вопросы рассматривались с двух диаметрально противоположных точек зрения. Сторонники первой (в основном пантюркисты) утверждали, что современный узбекский литературный язык будет (должен быть) непосредственным продолжением староузбекского литературного языка. Реакционная по своей сущности, эта точка зрения опровергнута всем ходом развития современного узбекского литературного языка.

Тот факт, что современный узбекский литературный язык не может быть непосредственным продолжением староузбекского литературного языка, убедительно подтверждается наукой. Заслуживают внимания, например, следующие высказывания проф. А. К. Боровкова: «Принципиально различные общественные условия развития узбекского литературного языка до и после пролетарской революции не допускают понимания современного узбекского литературного языка как непосредственного преемника классического чагатайского языка» [4. С. 82—83]. «С точки зрения науки позволительно говорить об элементах воздействия чагатайского языка на современный узбекский литературный язык» [4. С. 84]. Однако некоторые специалисты с ними не согласны. Так, Д. Абдурахманов в статье «И язык дерево» без всяких доказательств заявляет, что А. К. Боровков в последующих «нескольких своих статьях отказался от вышеуказанных взглядов и исправил их» [10. С. 71], хотя на самом деле это не так. Достаточно привести цитату А. К. Боровкова и ее перевод, выполненный Д. Абдурахмановым: «Современный узбекский литературный язык является общим национальным языком всего населения Узбекской ССР и преемственно связан с литературным языком раннего периода (с XV в.) и его источниками» [11. С. 679] — «Хозирги ўзбек адабий тили Ўзбекистон ССРнинг ҳамма аҳолисининг умумий миллий адабий тили бўлиб, адабий тил дастлабки даврининг (XV аср) давоми ва манбаларининг вориси сифатида улар билан боғлиқ» [10. С. 71]. Во-первых, неправильно сделан перевод, во-вторых, по собственной инициативе переводчик внес в текст слово *давоми* 'продолжение', чем нарушил смысл оригинала.

Неосновательность и неправомерность взгляда на современный узбекский литературный язык как на прямое продолжение староузбекского литературного языка (традиционного литературного языка) были в свое время отмечены видными лингвистами. И история развития языка подтвердила их правоту.

Если подойти к изучению проблем с учетом основы, источников и цели литературного языка каждого периода, то тот факт, что современный узбекский литературный язык не есть продолжение традиционного языка, не будет казаться таким сомнительным, наоборот, он, скорее, закономерен. Во-первых, современный узбекский литературный язык, как уже было сказано, формируется главным образом на основе живого разговорного языка, узбекских диалектов и говоров. Относительно того, что же послужило основой для староузбекского языка, то ученые

так и не пришли к единому мнению. Во-вторых, староузбекский письменный язык, как утверждает большинство исследователей, не являлся средством общения народных масс. Г. Абдурахманов так характеризует традиционный литературный язык: «Если бросим взгляд на историю, то обратим внимание на то, что сформированный в какую-то эпоху литературный язык, употребляясь в течение долгих веков в этой форме, не изменяясь, превратился в традиционный язык. Между узбекским литературным языком XV и XIX вв. большого различия нет. Однако этот литературный язык был далек от языка народного, от местных говоров, широкие массы его не понимали» [5. С. 9]. Современный литературный узбекский язык не может быть простым продолжением традиционного литературного языка. Возникновение в послереволюционное время нового литературного языка, отличного от традиционного литературного языка, вполне закономерно. Вместе с тем отрицание староузбекского литературного языка как основы современного узбекского литературного языка совсем не означает, что современный узбекский литературный язык ничего не унаследовал от староузбекского. В современном узбекском литературном языке на стадии его формирования были использованы элементы староузбекского. Употребляются они и в настоящее время, и их можно разбить на два вида: 1) элементы традиционного литературного языка, которые по мере развития современного литературного языка постепенно отмирают; 2) элементы, обладающие устойчивостью и естественно перешедшие в современный литературный язык.

Приведем в качестве примера следующие слова, употреблявшиеся в письменных источниках в первые годы советской власти: *шубъа* 'раздел', *дохилий* 'внутренний', *файрий* 'другой'; форма настоящего-будущего времени типа *келадир*, *ишлайдир* вместо *келади*, *ишлайди*. Такие элементы, правомерные в период формирования современного узбекского литературного языка, вышли из употребления после появления новых единиц, отвечающих лексическим, морфологическим и другим нормам современного языка.

Следовательно, выявление в письменных источниках (на раннем этапе) элементов, подобных описанным выше, не может служить основанием для того, чтобы считать современный узбекский литературный язык непосредственным продолжением староузбекского языка.

Употребляющиеся в современном узбекском литературном языке отдельные лексические и морфологические единицы имелись и в староузбекском языке. Это, например, присущие арабскому и персидскому языкам *китаб* 'книга', *машхур* 'знаменитый, известный', *илтижо* 'мольба', *сабил* 'осиротевший', *умид* 'надежда', *чехра* 'лицо' и другие слова, форма настоящего времени на *-моқда*: *ишламоқда*, *келмоқда* и др. Однако, во-первых, таких единиц очень мало, и потому их нельзя квалифицировать как факты, подтверждающие историческую традицию, во-вторых, многие из них широко представлены в художественной и живой разговорной речи и являются следствием именно их влияния, а не староузбекского литературного языка.

Полностью прав был проф. А. К. Боровков, когда писал, что «Узбекистан есть детище пролетарской революции, современный узбекский литературный язык есть выражение процесса возникновения и развития нации и национальной культуры под эгидой советской власти в новых исторических условиях, не виданных историей» [4. С. 84].

Как мы уже говорили, послереволюционный узбекский литературный язык не мог быть непосредственным продолжением традиционного

литературного языка. Действительно, если литературный язык призван служить всему народу, значит, он должен формироваться на основе диалектов и говоров. Узбекский язык — язык многодиалектный. И потому в первую очередь необходимо было определить его отношение к говорам и выбрать, какой из них положить в основу литературного языка. Решение этой задачи было очень важно для определения нормы в области фонетики, морфологии, орфографии. Без научных кадров и диалектологической науки этих вопросов было не решить.

Расширение научных исследований способствовало появлению различных точек зрения на тот или иной вопрос языкознания. Одни специалисты считали, что основой литературного языка должны стать диалекты сингармоничные, другие не соглашались с этим мнением. Вопрос о том, какой диалект составит основу современного узбекского литературного языка, не был решен и к 30-м годам.

Выдвинутое в работах первой половины 30-х годов положение о том, что основой узбекского литературного языка могут являться говоры культурных и административных центров Узбекистана, было принято на съезде по узбекской орфографии и терминологии (1934).

После правильного, с научной и практической точек зрения, определения места и роли узбекских диалектов в формировании и развитии современного узбекского литературного языка стали утверждаться фонетические, морфологические и другие варианты, отвечающие его нормам.

Каждый язык в процессе своего становления и развития так или иначе связан с другими языками. В результате каждый из них обогащается новыми лексическими, морфологическими и иными единицами, словообразовательными моделями и синтаксическими структурами. Однако освоение моделей и структур не всегда протекает одинаково. В одних случаях оно происходит стихийно, в других — организовано, целенаправленно. Как можно убедиться, формирование современного узбекского литературного языка шло по второму пути.

Классовые враги и их идеологи стремились использовать лингвистическую арену в своих целях. (Борьба велась в основном вокруг лексики и терминологии). Они враждебно относились к советско-интернациональным словам и терминам, ратовали за употребление для обозначения новых понятий слов, уже имеющихся в узбекской лексике, а при отсутствии таковых — арабских и персидских.

Сущность пантюркистской доктрины заключалась именно в этом. В решениях совещаний руководителей джадидов, посвященных вопросам литературного языка и алфавита, писалось, в частности, следующее:

«1. О вопросе языка и термина.

Тюркские наречия и говоры... в известных условиях объединить можно. Но серьезным препятствием этому явится географическая, культурная, политическая и экономическая разрозненность тюркских племен. Поэтому мы считаем, что все тюркские наречия и говоры объединить трудно. Вместе с тем мы решительно верим в то, что тюркские наречия и говоры можно приблизить друг к другу. На наш взгляд, для этого нужно принять следующие меры:

А — ... тюркские говоры очистить от иностранных слов и по возможности заменить тюркскими, найти забытые тюркские слова и на их основе строить новые смысловые выражения.

Б — в истории совершенствования тюркского языка существует способ образования новых слов с помощью окончаний (аффиксов), — это путь обогащения и развития тюркского языка, который позволяет

освободиться от сегодняшней нехватки слов производством новых с помощью аффиксов.

...

Ж — принять для всех тюрков одинаковый (единый) термин; при этом вопрос должен решаться с учетом параграфа (модда) „А” [12. С. 184].

В письменных источниках 30-х годов можно встретить вместо слов *артист* и *актер*—*уйинчи*, *методист*—*усулчи*, *вилка*—*санччи*, *свидетель*—*тануғ*, *военный*—*харбия*, *море*—*бахрия*, *геометрия*—*хандаса*, *фонетика*—*савтиёт* и т. д. Однако в процессе поступательного развития узбекский язык отверг искусственные образования.

Источники этих лет включали в себя элементы азербайджанского, татарского и русского языков. Азербайджанских слов было немного. Это отдельные морфологические и лексические единицы. Однако подобный факт было бы правильнее квалифицировать не как непосредственное влияние огузских языков на развитие современного узбекского языка, а как включение в него элементов, перешедших из старой письменности. Например, вместо глагольной формы на *-ган*: *айтган* ‘сказанный’, *севгани* ‘любимая’ использовались формы на *-миш*, *-дик*: *айтмиш*, *севдиги*, употреблялась и форма настоящего времени с аффиксом *-мақда*, *-моқда* (все формы широко представлены в источниках, относящихся к узбекскому языку конца XIX в. и послереволюционного времени). Некоторые из них, в частности с аффиксами *-миш*, *-дик*, затем вышли из употребления, а другие заняли прочное место в узбекском литературном языке, например глагольная форма с аффиксом *-моқда*.

В письменных источниках 20-х годов очень часто встречаются лексические и морфологические элементы татарского языка: *Шулай булғоч бик ник эзилажак турк миллатин...* [13]; *...тарбия ишининг нечук хабар олиб текшириб тура...* [14. С. 44]; *...«Билим ўчоғи» журналида босдириб тарқатишни тегиш кўрдик* [15. С. 172].

Широкое распространение получили формы типа *айталар*, *ёзарга тегиш*, *айтара мумкин* и др. Подобный факт можно объяснить двумя причинами: значительным числом татарской интеллигенции, работавшей в печати, и неопределенностью норм узбекского литературного языка.

Особая тема, требующая обстоятельного рассмотрения, — это роль русского языка в формировании и развитии современного узбекского литературного языка. Мы ограничимся лишь общей констатацией того, что русский язык для многих национальных языков, в том числе узбекского, явился ускорителем их формирования.

Разнобой, вплоть до совершенно чуждых узбекскому языку элементов, которые обнаруживаются в письменных источниках 20-х и даже 30-х годов, — вещественное доказательство того, что к тому времени нормированный письменный язык так и не был создан. В произведениях одного автора употребляются порой единицы как староузбекского языка, так и свойственные различным диалектам. Например, в текстах сочинений Ниязи встречаются: 1) единицы староузбекского языка: *Хар бир бойлик ва тараққий илм ва фаннинг соясиндандир* [16]; 2) единицы, свойственные татарскому языку: *Кўрамизки бошқа миллатлардаги халқ илм учун ёшгина ўғил ва қизларин Оврупадан Амриқога, Осиёдан Оврупога, демак, тўрт-беш йил мусофир қилиб юборалар* [16. С. 228]; 3) единицы, характерные для различных диалектов: *Эна, мен сизга айтяманки, гапни қисқа қилинг* [17]; *Султонхон, биз ҳам ўша маҳбуби жононнинг ишқларида куюб юрмоқдамиз, лекин ҳеч*

иложини топалмаётирмиз, дедилар [18]; ... *сизларни хўжайин чақирвотдилар...* [19].

В отдельных случаях в одном предложении соседствуют диалектизмы и элементы старого стиля. Такое смешение отмечено нами у Фитрата, в его пособии по узбекскому литературному языку: *Бироқ хануз тилимизнинг белгили қоидаларини майдонга қўя олмадик ... Илмий ахтаришлар бўлмагунча бунларнинг биртаси ҳам бўлғуси эмасдир* [20. С. 41].

Ведущая роль науки в нормировании языка осознавалась еще в 20-х годах. В утверждении генеральной линии на создание литературного языка, доступного широким народным массам, важную роль сыграла конференция по вопросам языка и орфографии (Самарканд, 15 мая 1929 г.). На этой конференции особо подчеркивалась необходимость изучения узбекского языка, его диалектов. В частности, в 8-м пункте решений конференции говорилось: «составить сопоставительный (сравнительный) словарь узбекских наречий и говоров; приступить к этой работе незамедлительно» [8. С. 5]. Так было положено начало в официальном порядке изучению узбекского языка, его диалектов и говоров, так зарождалось узбекское языкознание.

В 1929 г. был создан Узбекский государственный научно-исследовательский институт (УзГНИИ), а в 1934 г. при комитете наук образован Институт языка и литературы. Был принят ряд практических мер по организации и ведению научно-исследовательских работ. В 1934 г. появились материалы Первого съезда, посвященного узбекской орфографии и терминологии, монография проф. Е. Д. Поливанова «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык» (Узгосиздат, 1933) и проф. Гази Алима «Один опыт в классификации узбекских наречий» (Ташкент, 1936). В указанных и других работах 30-х годов их авторы исходили из непосредственных языковых фактов, объясняемых на научно-теоретической основе. В этом отношении заслуживают внимания следующие труды: «Узбекский литературный язык» А. К. Борюкова (Л., 1934. Т. 2) и «О развитии узбекского языка» Атаджана Хашимова (Лит. Узбекистан. 1936. № 3). Подобные работы стали основой для выработки будущих правил узбекского литературного языка, создания учебников и пособий, определяющих нормы узбекского литературного языка. Однако даже в начале 30-х годов процесс нормализации все еще продолжался.

На съезде, посвященном узбекской орфографии и терминологии (1934), вопросы орфографии и терминологии, а также об опорном говоре узбекского литературного языка решались в основном правильно. Результатом этого стало определение норм современного узбекского литературного языка в области лексики, фонетики, морфологии и орфографии. Во второй половине 30-х годов нормы современного узбекского литературного языка по всем языковым уровням были наконец-то узаконены. Узбекский литературный язык приобрел качества, соответствующие национальному языку.

Сформировавшийся в советский период современный узбекский литературный язык в последние годы получил исключительно широкое развитие как в функциональном, так и в структурном отношении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М.: Наука, 1969.

2. *Каримов Г.* Совет даври ўзбек адабий тили тараққиёти. Тошкент: Фан, 1985.
 3. *Муҳаммаджонова Г.* Ўзбек тили лексикаси тараққиётининг баъзи масалалари. Тошкент: Фан, 1982.
 4. *Боровков А. К.* Узбекский литературный язык // Язык и мышление. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Т. 2.
 5. *Абдураҳмонов Ғанижон.* Миллий тилларнинг тараққиёти масаласи. Тошкент, 1962.
 6. *Вахабов М.* Ўзбек социалистик миллати. Тошкент, 1969.
 7. *Петров Н. П.* Чувашский язык в советскую эпоху. Чебоксары, 1980.
 8. *Бату.* Язык и орфография: Выводы конференции // Аланга. 1929. № 5.
 9. *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
 10. *Абдураҳмонов Д.* Тил ҳам дарахт // Ешлик. 1988. № 9.
 11. *Боровков А. К.* Современный узбекский литературный язык // Узбекча-русча лугат. М., 1959.
 12. Узбекская советская литература за 15 лет. Ташкент: Узгосиздат, 1939. Узб.
 13. Улуғ Туркистон. 1918.
 14. Қўлланмалар.
 15. *Саъдий А.* Ўзбек билим юртлари учун она тили ва адабиёт программ // Билим ўчоғи. № 2, 3.
 16. *Ҳамза.* Сочинения. Т. 6.
 17. *Он же.* Исибдод қурбонлари.
 18. *Он же.* Тухматчилар жизаси.
 19. *Он же.* Бой или хизматчи.
 20. *Фитрат.* Сарф. Тошкент, 1925.
-